

МОГУЧИЙ И ЕГО ФОРМАЛЬНЫЙ

Ольга Фукс

В ЭТОМ ГОДУ ПРЕСТИЖНУЮ ПРЕМИЮ «НОВАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» ПОЛУЧАЕТ РОССИЯНИН АНДРЕЙ МОГУЧИЙ, СОЗДАТЕЛЬ ЗНАМЕНИТОГО ФОРМАЛЬНОГО ТЕАТРА, У КОТОРОГО ЕСТЬ ДУХ, ИДЕИ, СПЕКТАКЛИ, НАГРАДЫ И ПРИЗНАНИЕ, НО НЕТ ПОСТОЯННОЙ ПРОПИСКИ.

Ему удивительно подходит фамилия Могучий. Инженерное мышление, полученное в Ленинградском институте авиаприборостроения и радиолокационных систем, сквозит в его многофигурных сценических построениях, работающих как могучий сложенный механизм. Могучего-инженера сложно представить за разработкой удобного автомобиля, а вот за разработкой космического спутника – запросто. Так же сложно представить его «почти-тительным интерпретатором классики». Ему интересней разобрать классический текст на «детали» и собрать из них новые конструкции. Достаточно взглянуть на названия его спектаклей – «Садоводы» («Вишневый сад», помноженный на общение в интернет-форумах про ведение приусадебное хозяйство и смысл жизни), «Не Гамлет» («Дисморфомания» Владимира Сорокина, «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Гамлет-машина»), «ПроТурандот» (сказка Гоцци,

Ulla cortiscillam dolorem do doleseq uismod euis at. Dolorem erostrud ero etummy nisit, qui bla at autat volorem

замешанная на Фрейте, Толкиене, исторических реалиях XX века и культовом спектакле Вахтанговского театра), «Иваны» (в основе которых «Как поспорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), «Две сестры» (по Тургеневу), «Пьеса Константина Треплева «Люди, львы, орлы и куропатки», «ДК Ламанчский»... Зато не тронутыми остались названия, например, романов Саши Соколова («Школа для дураков» и «Между собакой и волком» блестяще воплощены на сцене, «Палисандрия», кажется, еще ждет своего часа), чей завораживающий поток сознания никто, кроме Могучего, и не брался ставить. В начале перестройки Андрей Могучий собрал единомышленников, назвав свою команду Формальным театром (точно в пик театр психологическому,

реалистическому). С этой командой Могучий ставит «Лысую певицу» Ионеско, «Петербург» Белого, уличный спектакль «Orlando Furioso» Ариосто, с которым вскоре объедет всю Европу, «Розенкранц и Гольденстерн мертвы» Стоппарда, «Гамлет-машина» Мюллера, и, наконец, «Школу для дураков» Саши Соколова, который получил Fringe First Эдинбургского фестиваля и Гран-при фестиваля ВГТЕФ, первую из его пяти «Золотых масок» и «Золотой софит».

Почти сразу Могучему стало тесно в рамках «нормального» театра, и он отправился искать театр повсюду (благо Петербург дает для этого немало возможностей). «Петербург» Белого разыгрывался в интерьерах старинных особняков (галерея Мухинского училища, Zubovskiy особняк института истории искусств, залы Театрального музея, увешанные портретами великих актеров) – и старинные стены охотно помогали ему. Спустя почти двадцать лет Могучий, уже в статусе режиссера Александринского театра, вновь вернется к «Петербургу», чтобы играть его во дворе и музейных залах Михайловского дворца и только в белые ночи.

Со спектаклями и мастер-классами «Формальный» исколесит всю Европу, а в родном городе совсем недолго поживет оседлой жизнью под крышей театра «Балтийский дом». Но и оттуда вновь потянется на улицу, устроив летний фестиваль авангардных и уличных театров «Солнцеворот».

Могучему тесно не только в театральных стенах, но и в рамках одного жанра. Он путешествует с полунинским шествием клоунов «Караван мира». Ставит моно-спектакль для балерины «Silenzio. Диана Вишнева». На Соборной площади

Ulla cortiscillam dolorem do doleseq uismod euis at. Dolorem erostrud ero etummy nisit, qui bla at autat volorem

SUSCILIS ISCIDUNT LAN
HENIM VENIM QUISL
ULLAM ING ESECTE EROSTO
ERO COR SE DOLOR AUGUE
ENISCIPISL IUSCI TE COMMY
NULLUTAT ULPUT PRAT,
QUAT LORTIE MOLUTPAT
IURER SIT AT

Кремля осуществляет постановку оперы Мусоргского «Борис Годунов». Сочиняет цирковое шоу «Кракатук» на основе «Щелкунчика» – Чайковского и Гофмана. Режиссирует концерты для известного питерского юродивого, композитора Олега Каравайчука («Ожидание» в Смольном соборе) и рок-группы «Ленинград». Устраивает «лобовое столкновение» «Борисов Годуновых» (поэмы и оперы) с прозой и лагерными реалиями XX века (да еще на родине Марины Мнишек – в Варшавском Театре Драматичны). Колдует над главными театральными праздниками – 250-летним юбилеем Александринского театра и церемонией закрытия «Золотая маска» (шутейная опера «Золотое» Александра Маноцкова).

В прошлом году «Формальный театр» отметил свое 20-летие фестивалем «Театральное пространство Андрея Могучего». Своего дома «Формальный театр» так и не обрел и, видимо, уже не обретет никогда, оставшись брендом или растянувшейся на два десятилетия успешной

попыткой создать театральное братство. Некоторые спектакли имели прописку в «Приюте комедиантов» или «Балтийском доме». Другие, как, например, грандиозный спектакль «Между собакой и волком» так и остались бездомными, поражая не только качеством, но и тем, что режиссеру удается хранить его «в разобранном состоянии» и собирать только к показам на различных фестивалях. Этот удивительный спектакль-наваждение, поток театрального сознания, а в нем – Ван Эйк и Брейгель, Итиль-река (Волчья река – древнее название Волги) и матросское «Яблочко», «наше все» (пьяньенкий да веселый Пушкин) и его ангел-хранитель – пухлый заяц, который пытался помирить Сан-Сергеича с «иносраным» Дантесом, да погиб от шальной пули, красавица-шлюха Орина, «лебедь белая» и мужики-артельщики, ее обожатели-насилыники. Те самые сирые и убогие, что первыми войдут в царствие небесное.

Спектакли на фестивале Могучего были окружены сложным гарниром из мастер-классов и проектов по кино, анимации, архитектуре. Например, в одной расселенной коммуналке на Петроградской стороне Могучий поселил пары из молодых драматургов и режиссеров, призвав их родить небольшие сюжеты, навеянные этой квартирой («Место действия в поисках автора»).

Похожим образом родился в прошлом году спектакль «Изотов», который номинируется в этом году на «Золотую маску». Могучий объявил кастинг... драматургов с обязательным условием – приехать в Питер. Единственный приехавший – Михаил Дурненков – кастинг прошел. Могучий погулял с ним по Петербургу, свозил в святое для питерцев Комарово и засадил писать пьесу. «Изотов», кото-

SUSCILIS ISCIDUNT LAN
HENIM VENIM QUI SL
ULLAM ING ESECTE EROSTO
ERO COR SE DOLOR AUGUE
ENISCIPISL IUSCI TE COMMY
NULLUTAT ULPUT PRAT,
QUAT LORTIE MOLUTPAT
IURER SIT AT

рый получился в результате этих манипуляций, переливается чеховскими, беккетовскими, довлатовскими мотивами, Изотов в исполнении Виталия Коваленко – типичный питерский интеллигент, потерявший почву под ногами, – пробует «дойти до самой сути», «вернуться из вполне благосклонного к нему мира в тот мир, где он может быть собой». Образ ускользящей из-под ног почвы блестяще придумал художник Александр Шишкин, построив на сцене крутой белый трамплин (по жизни летишь, как

с горы, повернуть вспять, к детству, к истокам, к первопричинам своих поступков практически невозможно). Он испитан лучом видеопроекций (физические формулы мироздания, лестницы в небо или дачный сортир). Но если сдирать слой за слоем эти исчерканные до полной неразборчивости покрытия, под ними обнаружится изображение фортепиано – то ли знак гармонии, то ли чеховский «дорогой рояль, который заперт, а ключ потерян».

Руководитель «Формального театра» давно уже эволюционировал в штатного режиссера, ответственного за новации в самом роскошном театре России – Александринском. Великая и намоленная сцена дарит ему новые возможности. Именно здесь родился, может быть, лучший спектакль Могучего «Иваны». «Иваны» – это гоголевские Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. А еще «Страшная месть», и «Тарас Бульба», и «Мертвые

души» – словом, «весь Гоголь» (чисто мейерхольдовская задача).

Иван Иванович (Николай Мартон) и Иван Никифорович (Виктор Смирнов) – два типа национального характера: вечный двигатель, тратящий энергию на пустоту, и неподвижный созерцатель. После ссоры из-за ружья и «гусака» деревянный посконный их мирок постепенно раскрывается до масштабов Миргорода (читай: мира), где будет тянуться годами их бесконечная тяжба. Соседи (все те же Иваны) в коммуналках изводят друг друга стуком. Визг чьей-то дрели равномерно впивается в мозг. Бродит, залезая во все лохани, живая лошадь. И шляется по присутствиям на своей деревяшке капитан Копейкин без руки и ноги («А, за рукой завтра зайду», – отмахивается он, роняя деревянную конечность). В канцелярии Страшного суда стрекочут пишущие машинки, выстукивая доносы и кляузы. Срывается вниз старенькое пианино, издав протяжный (за что вы меня мучаете?) стон.

Апофеозом этой картины обжитого и даже по-своему уютного ада становится гусак. Его играет маленький человек (Алексей Ингелевич) – сваливается буквально с неба, становится добычей иван-иванычевых слуг, попадает на вертел и возвращается на блюде в позолоченном кафтане (поджаренный) и с ананасом в «кляве». Обижается, когда едок отрывает ему «крылышко», а после доедает его сам. Этот фантазмагорический

*Ulla cortiscillam dolorem do doleseq uismod
euis at. Dolorem erostrud ero etummy nisit,
qui bla at autat volorem*

MOGUCHY AND HIS FORMALNY

Olga Fuks

THIS YEAR THE PRESTIGIOUS “NEW THEATRE REALITY” AWARD WAS GIVEN TO ANDREI MOGUCHY OF RUSSIA, FOUNDER OF THE FAMOUS FORMALNY THEATRE THAT HAS THE SPIRIT, THE IDEAS, THE PERFORMANCES, THE AWARDS AND THE RECOGNITION, BUT DOESN’T HAVE PERMANENT PLACE OF RESIDENCE.

The last name of Moguchy (Russian for “mighty, powerful”) fits him surprisingly well. Engineering mindset that he acquired at the Leningrad Institute of Aeronautical Instrument Engineering, Faculty of Radar Systems, shines through in his multi-figured stage designs that operate like a powerful well-oiled machine. It is hard to imagine Moguchy, the engineer, working on designing a comfortable car, but one can readily picture him designing a space satellite. Likewise, it is difficult to imagine him a “respectful interpreter of the classics”. He is more interested in taking a classical text apart into small «pieces», which he would then use to construct new designs. All one needs to do is look at the titles of his plays: «The Gardeners» («The Cherry Orchard», multiplied by communication on internet forums on the subjects of gardening and the meaning of life), “It’s Not Hamlet” (Vladimir Sorokin’s “Dismorphomania”, “Hamlet”, “Romeo and Juliet”, “Hamletmachine”), “ProTurandot” (Gozzi’s fairytale, poured on top of Freud,

Tolkien, historical realities of the 20th century, and a cult performance of the Vakhtangov Theatre), “The Ivans” (based on “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”), “The Two Sisters” (based on Turgenev), “A Play by Konstantin Treplev ‘People, Lions, Eagles, and Quails’”, “DQ of La Mancha»... At the same time, though, he left untouched the titles of the novels by Sasha Sokolov, whose bewitching stream of consciousness nobody, apart from Moguchy, has even attempted to stage. (“A School for Fools” and “Between Dog and Wolf” have already been brilliantly realized on stage, while “Astrophobia” is apparently still waiting in the wings).

At the beginning of perestroika, Andrei Moguchy got together a group of like-minded individuals and called his new team the Formalny Theatre (as if to spite the psychological and realistic theatre). Together with this team Moguchy staged Ionesco’s “The Bald Soprano”, Bely’s “Petersburg”, a street performance “Orlando Furioso” by Ariosto, with which he plans to tour all of Europe, Stoppard’s “Rosencrantz and Guildenstern Are Dead”, Muller’s “Hamletmachine”, and, finally, Sasha Sokolov’s “A School for Fools”, which received the Edinburgh Festival Fringe First Award and the BITEF Festival Grand Prize, the first of his five Golden Masks and the Golden Floodlight Award.

Moguchy began to feel confined within the

*Ulla cortiscillam dolorem do doleseq uismod
euis at. Dolorem erostrud ero etummy nisit,
qui bla at autat volorem*

SUSCILIS ISCIDUNT LAN
HENIM VENIM QUI SL
ULLAM ING ESECTE EROSTO
ERO COR SE DOLOR AUGUE
ENISCIPISL IUSCI TE COMMY
NULLUTAT ULPUT PRAT,
QUAT LORTIE MOLUTPAT
IUSTRUD DO EA FACIL
IURER SIT AT

fool Oleg Karavaichuk (“Expectation” at the Smolny Cathedral) and the rock group “Leningrad”. Organized “a head-on collision” of “the Borises Godunovs” (the poem and the opera) with prose and the realities of the labor camps of the 20th century (and in Marina Mniszech’s homeland, no less – at Warsaw’s Teatr Dramatichny). Did his magic on principal theatre holidays – the 250th anniversary of the Alexandrinsky Theatre and the closing ceremony of the Golden Mask Festival (Alexander Manotskov’s humorous opera “The Golden”).

Last year the Formalny Theatre celebrated its 20th anniversary with the “Theatre Space of Andrei Moguchy” Festival. The Formalny Theatre never did find its own home, and likely never will, forever remaining a brand or a two-decade-long successful attempt at creating a theatre brotherhood. Some of its productions took up residence at “The Shelter of Comedians” or “The Baltic House”. Others, such as the epic performance “Between Dog and Wolf», remained homeless, amazing audiences with its quality as well as the fact that the director manages to keep it in a “disassembled state” and to reassemble it only in preparation for performances at various festivals. This is an extraordinary hallucinatory production, a stream of theatre consciousness, and in it there’s van Eyck and Bruegel; the Itil River (the Volchya (Wolf) River – the ancient name of the Volga) and the Russian Sailor Dance

framework of the «normal» theatre almost right away, and he set off to look for theatre elsewhere (fortunately, Saint Petersburg provides quite a few opportunities for such endeavors). Bely’s “Petersburg” was performed within the interiors of old mansions (the gallery at the Mukhinskoye Arts Institute, the Zubov Institute of Art History, the halls of the Museum of Theatre, whose walls are covered with portraits of great actors), and the ancient walls were more than happy to help him out. Now, nearly twenty years later, Moguchy once again returns to “Petersburg”, this time as director of the Alexandrinsky Theatre, with

the intention of staging it in the courtyard and the museum halls of the Mikhailovsky Palace and only during the White Nights. The Formalny Theatre will travel all over Europe with its performances and workshops, and for a very short while it will settle in its hometown under the roof of the Baltic House Theatre. Yet even from there it will be drawn back out onto the streets to organize the “Solntsevorot” (Solstice) – a summer festival of avant-garde and street theatres. Moguchy felt confined not only within theatre walls, but also within a single genre. He traveled with Polunin’s mime parade

*Ulla cortiscillam dolorem do doleseq uismod
euis at. Dolorem erostrud ero etummy nisit,
qui bla at autat volorem*

“The Caravan of Peace”. Produced a solo performance for ballerina Diana Vishneva titled “Silenzio. Diana Vishneva”. Staged the production of Mussogorsky’s opera “Boris Godunov” on the Cathedral Square of the Kremlin. Composed a circus-style show “Krakatuk” on the basis of E.T.A. Hoffman’s “The Nutcracker” and Tchaikovsky’s ballet score. Staged concerts for the famous Saint Petersburg composer and Holy

*Ulla cortiscillam dolorem do doleseq uismod
euis at. Dolorem erostrud ero etummy nisit,
qui bla at autat volorem*

“Yablochko”; “our everything” (a tipsy and cheerful Pushkin) and his guardian angel – a pudgy hare that attempted to reconcile San Sergeich with the “lousy foreigner” Dantes and ended up being killed by a stray bullet; the beautiful whore Orina, “the swan maiden”, and the artel men, her admirers and rapists. The very same orphans and cripples that will be the first to enter the Kingdom of God.

Productions shown at Moguchy's festival were provided with a complex side dish of workshops and projects on cinema, animation, and architecture. For example, Moguchy boarded young playwrights and directors in pairs in one empty communal apartment on the Petrogradskaya side and called on them to create short stories inspired by that apartment (“A Location in Search of an Author”).

The play “Izotov”, which has been nominated for this year's Golden Mask award, was born in a similar fashion last year. Moguchy announced a casting call for playwrights with a mandatory requirement – to come to Saint Petersburg. The only one who came – Mikhail Durnenkov – passed the casting. Moguchy took him for a walk around Saint Petersburg, brought him to Komarovo, a holy place for Petersburgers, and sat him down to write the play. «Izotov», the result of these manipulations, sparkles with motifs from Chekhov, Beckett, and Dovlatov. The play's eponymous protagonist, performed by Vitaly Kovalenko, is a typical Petersburg intellectual, who felt the ground slip from under his feet, and who is now trying “to get to the very essence of the matter”, “to leave this rather favorably disposed world and return to the world where he can be himself.” The visual image of the ground that is slipping from under one's feet was brilliantly represented by artist Alexander Shishkin in the form of a steep white

springboard that was built on stage (you fly through life as if sliding down a mountain, and it is practically impossible to turn back, to the childhood, to one's origins, to the ultimate causes of one's actions). It is crisscrossed with video projections (physical expressions of the universe, a stairway to heaven or a summerhouse latrine). But if one were to strip these scribbled-on, completely illegible covers off layer by layer, one would find underneath them a picture of a piano – a sign of harmony, perhaps, or maybe it is Chekhov's “glorious grand piano, and the lid is closed and the key is thrown away.”

The manager of the Formalny Theatre has long evolved into a staff director, responsible for innovations at Russia's most luxurious theatre – the Alexandrinsky. The great and sacred stage provides him with new opportunities. This was the place that gave birth to what is perhaps Moguchy's best production – «The Ivans». “The Ivans” are Gogol's Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich. But it is also “A Terrible Vengeance”, and “Taras Bulba”, and “Dead Souls” – in other words, “the entire Gogol” (a purely Meyerholdian undertaking).

Ivan Ivanovich (Nikolai Marton) and Ivan Nikiforovich (Viktor Smirnov) are the two representations of the national character: a perpetuum mobile that wastes its energy on nothingness, and an immobile observer. After an argument over a rifle and a “gander”, their wooden hempen little world gradually expands to the scale of Mirgorod (read: world), where their endless quarrel will drag on for years. The neighbors (those same Ivans) in communal apartments are driving each other insane by the sound of knocking. The whining of someone's drill is steadily boring a hole in one's brain. A live horse roams around, getting into every washtub. And the one-armed, one-legged Captain Kopeikin loiters in the offices on his wooden stump (“Ah, I'll come by to get my arm tomorrow,» he says with a wave of a hand, dropping his

SUSCILIS ISCIDUNT LAN
HENIM VENIM QUISL
ULLAM ING ESECTE EROSTO
ERO COR SE DOLOR AUGUE
ENISCIPISL IUSCI TE COMMY
NULLUTAT ULPUT PRAT,
QUAT LORTIE MOLUTPAT
IUSTRUD DO EA FACIL
IURER SIT AT

wooden limb). The typewriters are rattling away at the office of the Judgment Day, typing out denunciations and complaints. And an old piano falls to the ground with a long, drawn-out (why are you torturing me?) groan.

The gander becomes the apotheosis of this picture of a lived-in and even, in its own way, cozy hell. He is played by a small stature actor (Alexei Ingelevich) – he practically drops from the sky, falls prey to Ivan Ivanovich's servants, ends up on the skewer and returns on a plate, dressed in a gilded caftan (roasted) and with a pineapple in his “beak”. He is offended when someone at the table tears off his “wing”, but later finishes that wing himself. Later it seems to Ivan Ivanovich that he sees this phantasmagoric goose in a court marshal, a passerby, and even in his own son, to whom he “gave life and will also kill”.

Andrei Moguchy will come to the April festival of the Union of the Theatres of Europe with his production of “The Blue Bird”, which has been showing on the stage of the Moscow Art Theatre for over a hundred years, scaring off the producers by the authority of Stanislavsky's name. Moguchy has resolutely set off in the direction of cartoon aesthetics, taking along the characters, borrowing the narrative moves and eternal themes. Children, ages 9 to 12, are invited to set out after the Blue Bird, and as a special gesture they are allowed to bring their parents along.